

ГЛАВА 12. НОЧЬ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН И ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

— В нынешнем мире боевых искусств едва ли найдётся секта, что не склонилась бы голову перед главой Яном. Что нам какой-то там глава Союза боевых искусств? От его власти осталось одно название, — Цинь Вань цедил слова с таким ледяным пренебрежением, что Те Сюань впервые увидел его в столь неприглядном свете. И всё же в глубине души кузнец верил: он просто заступает за него.

Однако окружающие рассудили иначе. Цзи Сяньэр, не в силах более сдерживать ярость, выхватила меч. Одним изящным движением она взмыла в воздух и обрушилась на Цинь Ваня, целясь остриём в грудь.

— Сяньэр!.. — в один голос воскликнули У Тяньдэ и Лянь Цинъюнь, до этого лишь безучастно наблюдавшие за сценой.

— Наглец! Попробуй вкус моей стали! — выкрикнула девушка.

Её техника была безупречна: меч порхал, словно крылья прекрасной бабочки, рисуя в воздухе плавные линии. Но как бы ни старалась Сяньэр, она не могла даже коснуться края одежды своего противника. Цинь Вань, застыв с маской едва уловимой насмешки на лице, легко уклонялся от каждого выпада.

— Пустое позёрство, — бросил он, лениво отступая в сторону.

— Сяньэр, назад! — в голосе У Тяньдэ промелькнуло изумление, которое он тут же скрыл за суровостью. Сделав шаг вперёд, он холодно произнёс: — Господин, какой бы безграничной ни была власть главы Яна, он не сможет выстоять, если против него ополчатся все школы Поднебесной...

— Справедливое замечание, — Цинь Вань крутанулся на месте, и его белые одежды, на миг распахнувшись веером, медленно опали. В этом сиянии он казался небожителем, спустившимся в мир смертных — зрелище, которое во всей толпе оценил, пожалуй, один лишь Те Сюань. — Но вы первыми начали эту задиру. Принесите извинения, и мы разойдёмся миром.

— И не мечтай! — Сяньэр до крови закусил губу, её лицо пылало от гнева, а в глазах стояли слёзы.

Стоявший рядом Лянь Цинъюнь попытался поддержать её под локоть, но она с яростью оттолкнула его. У Тяньдэ лишь тяжело вздохнул. Сложив ладони в вежливом жесте, он склонился:

— Позвольте мне принести извинения за мою младшую сестру.

— Брат-наставник! — вскричала девушка. — Зачем ты кланяешься этой шавке из Учения Тай-и?!

Цинь Вань холодно усмехнулся:

— Видно, дочь Цзи Чанкуна совсем лишена воспитания. Неудивительно, что герою Цзи пришлось искать преемника на стороне и брать приёмного сына...

Цзи Сяньэр задрожала от обиды, не находя слов для ответа. У Тяньдэ мгновенно помрачнел.

— Господин, мы признали свою неправоту, но не стоит испытывать наше терпение.

Цинь Вань уже открыл рот, чтобы ответить, но Те Сюань перехватил его за руку:

— Цинь Вань, довольно. Не стоит доводить до крайности из-за пустяка.

У Тяньдэ на миг задержал взгляд на кузнеце. Он был явно благодарен, отчего Те Сюаню стало не по себе. Несмотря на выходки Сяньэр, старший ученик показался ему человеком чести — даже в гневе он сохранял достоинство и вежливость.

— Всё в порядке, я ведь не ранен, — негромко добавил Те Сюань, потянув друга за рукав. — Она просто вспыльчивая девушка, давай уступим ей.

— Хм, больно нужно... — Сяньэр не оценила великодушия, ответив лишь новой порцией желчи.

Цинь Вань, не отличавшийся терпением, усмехнулся и бросил У Тяньдэ:

— Великий герой, если не приструнишь свою сестрицу, она в первом же походе попадёт в такую яму, из которой ни боги, ни люди её не вытащат.

— Сяньэр, немедленно извинись перед этим молодым человеком, — отрезал У Тяньдэ, даже не оглянувшись на неё.

— Брат! Ты заставляешь меня просить прощения у проходимца?! — она смотрела на наставника с таким отчаянием, что Те Сюаню стало искренне её жаль.

Он уже хотел вмешаться, но рука Цинь Ваня преградила ему путь:

— Запомни, Те Сюань: в этом мире закон один — чьи кулаки крепче, тот и прав. Если за твоей спиной нет горы, тебя смешают с грязью. Пока ты не покажешь зубы, они будут топтать тебя, как придорожную пыль.

У Тяньдэ промолчал, лишь сильнее сжал челюсти. Цзи Сяньэр обвела взглядом братьев-наставников, которые ещё утром заискивали перед ней, но теперь лишь прятали глаза. По её щекам покатались слёзы.

— Ну же? — ядовито подстегнул Цинь Вань. — Неужели достоинство великой госпожи Цзи выше закона?

— Про... сти... те... — выдавила она едва слышно. Голос её дрожал от унижения.

— Ничего страшного, не плачь, — мягко ответил Те Сюань, но девушка не приняла его доброты. Ожёгши его взглядом, полным чистой ненависти, она бросила меч на пол и бросилась прочь.

— Сяньэр! — Лянь Цинъюнь подхватил клинок и, метнув в Те Сюаня яростный взор, помчался за ней.

У Тяньдэ, чьё терпение было на исходе, коротко бросил: «До встречи», — и увёл за собой остальную толпу. Опустевший зал отеля мгновенно погрузился в тишину.

— Цинь Вань, ты никогда не говорил, что принадлежишь к Учению Тай-и, — Те Сюань осторожно коснулся шеи, где кожа до сих пор горела после стычки.

— Стоило ли упоминать о таких пустяках? — Цинь Вань шагнул ближе, намереваясь осмотреть рану. Его пальцы случайно коснулись руки кузнеца, и Те Сюань вздрогнул. Между ними словно проскочил электрический разряд — короткий, резкий щелчок, заставивший волоски на коже подняться дыбом.

— Со мной всё в порядке, — поспешно добавил Те Сюань, отступая на шаг. — Просто пойду отдохну.

Цинь Вань выглядел рассеянным. Он лишь кивнул, не настаивая, и Те Сюань почувствовал странный укол разочарования.

Вернувшись в комнату, Те Сюань в сумерках нащупал стол. Когда он уже потянулся к огниву, перед самым его носом вспыхнул свет, выхватив из темноты уродливую маску. Кузнец отпрянул, сердце едва не выпрыгнуло из груди.

— Подойди ближе. У старика есть к тебе разговор, — голос Тысячерукого Будды заставил Те Сюаня выдохнуть. Опомившись, он вытер холодный пот со лба.

— Твой приятель... он из Тай-и? — спросил старик, оставив лампу. При свете огня его морщинистая маска выглядела почти комично, но тон оставался серьёзным.

— Да какая разница, откуда он? — Те Сюань налил себе остывшего чая, чтобы унять дрожь. — У него есть имя и сердце. Этого достаточно.

— Дубина ты стоеросовая! — Тысячерукий Будда едва не задохнулся от возмущения. — Ты хоть понимаешь, что вся эта смута в Поднебесной началась из-за карты сокровищ, которую пустило в ход именно Учение Тай-и?

Те Сюань замер, глядя на него в полном недоумении.

— Глупец! — старик вскочил на табурет, корчась от боли в раненом боку. — Ты думаешь, они по доброте душевной раздают карты? А не слишком ли много совпадений? Старый лис попадает в засаду, отправляет тебя за картой ко мне... и тут же под боком оказывается «друг» из Тай-и!

— Это случайность, — упрямо покачал головой Те Сюань. — Если бы я не зашёл в «Байаньцзюй», мы бы вообще не встретились.

— Ты не исправим! — старик схватился за голову. — С твоим лицом только на паперти стоять, а не в интриги лезть! Кому пришло бы в голову с тобой дружить, если бы не корысть?

— Цинь Вань не плохой человек, — Те Сюань сжал кулаки. — Если вам здесь не нравится, мы можем уйти прямо сейчас.

Старик вытаращил на него глаза под маской:

— Что?! Бросить дармовую еду и кров, чтобы скитаться по дорогам? Ну уж нет. Слушай сюда, недотёпа: приглядывай за собой. И хватит пялиться на этого красавчика, лучше поищи взглядом какую-нибудь девицу.

Те Сюань вспыхнул, вспомнив недавние слова Мо Чжэньчжэнь:

— Что вы городите... Мы с Цинь Ванем просто названные братья.

— Братья, значит? — старик вдруг посерьёзnel. — А если он умрёт прямо у тебя на глазах? Что тогда?

Те Сюань представил это лишь на миг, и в груди стало тесно:

— Мне будет очень больно. Настолько, что и самому жить не захочется.

— А если он женится на другой?

— Я... я буду за него рад.

— Будешь? — Тысячерукий Будда ехидно хмыкнул. — Сердце в клочья разлетится, а всё туда же — благородство изображать. Ладно, спи уже. Просто помни: в этом мире за красивой маской часто прячется кинжал. Не дай себя зарезать раньше времени.

Ночь превратилась в череду кошмаров. В одном Цинь Вань оборачивался демоном с горящими глазами, в другом — счастливо улыбался, рука об руку с Мо Чжэньчжэнь. Те Сюань метался по постели, пока его не вырвал из забытья пронзительный человеческий крик.

Вскочив, он обнаружил, что окно распахнуто, и холодный ветер свистит в комнате. Снаружи было темно, небо затянуло тучами. Издалека донёсся звук колотушки ночного стража — скоро рассвет. Крик больше не повторялся, лишь на крыше мяукнула кошка, сбросив кусок черепицы.

«Просто сон», — выдохнул Те Сюань, забираясь обратно под одеяло. Тепло тела быстро согрело остывшую постель, и он провалился в глубокий сон без сновидений.

— Брат Те! Брат Те, проснись! Случилось ужасное! — яростный стук в дверь заставил его подпрыгнуть.

Он выскочил в коридор, едва успев накинуть халат. В дверях стояла Мо Чжэньчжэнь — волосы растрёпаны, лицо белое как полотно.

— Тот старый господин... он... он...

Сердце Те Сюаня пропустило удар. Он мертвой хваткой вцепился в плечи девушки:

— Что с Тысячеруким Буддой?!

— Брат Те... больно... — пролепетала она, пытаясь высвободиться.

— Говори! — Те Сюань разжал пальцы, его голос сорвался.

— Я встала пораньше, хотела завтрак заказать... Выхожу в зал, а там толпа. В центре он... лежит на полу, почти не дышит...

В голове у кузнеца зашумело. Мастер Те ушёл совсем недавно, и теперь ещё один близкий человек...

— Где Цинь Вань?! — прохрипел он.

— Он внизу. Сказал, что старик ещё жив, и отправил слугу за лекарем.

«Не он... слава богам, это не он», — эта мысль принесла мгновенное, постыдное облегчение.

В углу обеденного зала, на составленных столах, лежал Тысячерукий Будда. Возле него хлопотал пожилой врач. Покачав головой, старик встал и начал убирать инструменты.

— Простите, я бессилен.

Те Сюань бросился к нему, хватая за рукав:

— Доктор, попробуйте ещё раз! Должен быть способ!

— Юноша, взгляните на него сами, — сухо ответил врач. — Лицо цвета пепла, пульс едва нитевидный. Одной ногой он уже за порогом.

— Нет... Старший, снимите маску, пусть он посмотрит! — Те Сюань в отчаянии тряхнул раненого за плечо.

Цинь Вань осторожно положил руку ему на плечо:

— Те Сюань, не мучай его. Прими это...

— Да верьте же вы мне! — выкрикнул Те Сюань, но тут пальцы старика дрогнули.

— Глупый малый... я ещё здесь... — голос Тысячерукого Будды был едва слышен. Кожа его приобрела зловещий синюшный оттенок — явный признак яда.

— Старший! — Те Сюань бережно приподнял его, устраивая поудобнее. — Кто это сделал?

Старик криво усмехнулся:

— Столько лет по тропам ходил... а попался на такую дешёвую уловку... — Его затуманенный взгляд остановился на Цинь Ване. Те Сюань невольно проследил за этим взором, но Цинь Вань стоял неподвижно, с лицом, лишённым всяких эмоций.

— Это... это был он? — слова застряли в горле Те Сюаня.

Старик медленно покачал головой:

— Тот, кто напал... был в белом... с железным веером в руках... Нет, это не он.

Те Сюань ощутил, как тяжесть спала с его плеч. Страшное подозрение рассеялось.

— Я найду другого врача, вы поправитесь!

Старик не ответил. Дрожащей рукой он полез за пазуху.

— Что вы ищете? — Те Сюань помог ему и вытащил ярко-красный шелковый мешочек. Совсем новый, он казался почти невесомым.

— Возьми... — взгляд старика вдруг прояснился. — Я прожил славную жизнь. Любовь всей моей жизни так и не стала моей, но я хотя бы раз в жизни по-настоящему ею дышал... это дорогого стоит.

— Те Сюань, — мягко прервал его Цинь Вань, — старику нужно передать тебе что-то важное. Я подожду снаружи, прослежу, чтобы никто не мешал.

Кузнец бросил на друга благодарный взгляд. Мо Чжэньчжэнь тоже отошла, оставляя их одних. Двери отеля были заперты — Цинь Вань заставил слуг подчиниться угрозам и золотом. Те Сюань чувствовал вину за свои недавние сомнения.

— Послушай, малый... у меня есть одна просьба... — старик вцепился в его руку с неожиданной силой.

— Говорите, я всё сделаю, — Те Сюань склонился к самым его губам.

— Иди в городок Лазурного Омута... — шептал умирающий. — Там живёт один лекарь. Я узнал, что он там, и поселился в Янчжоу... только чтобы раз в месяц тайком увидеть его лицо...